

DOI: 10.31857/S013038640010329-9

© 2020 г. М. В. НОВИКОВА

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ КАНЦЛЕРСТВА ГЕРХАРДА ШРЁДЕРА

Новикова Марина Валентиновна — кандидат исторических наук, начальник сектора департамента социальных проектов и коммуникаций администрации города Нижнего Новгорода (Нижний Новгород, Россия).
E-mail: marina.novikova@mail.ru

Аннотация. Эта статья — попытка охарактеризовать состояние исторического сознания немцев на рубеже веков, в годы «красно-зеленой» коалиции канцлера Герхарда Шрёдера (1998–2005 гг.). Анализируется, каким образом выстраивалась политика памяти в изучаемый период, какие факторы влияли на формирование жертвенного нарратива немцев. Главными источниками статьи являются интервью, мемуары, речи и выступления Герхарда Шрёдера, Вилли Брандта, Гюнтера Грасса, официальных лиц европейских стран и России по вопросу травматического прошлого; анализируются публикации в СМИ. Делается вывод, что главным компонентом исторической памяти немецкого общества в исследуемый момент становятся воспоминания о пережитых страданиях побежденной стороны на последнем этапе Второй мировой войны. Обращение к жертвенному аспекту исторической памяти активно использовалось оппозиционными кругами для решения политических целей, их резкая риторика нередко создавала проблемы для правящего канцлера при решении внешнеполитических задач. Поводом для выхода на авансцену публичных дискуссий «жертвенного нарратива» внутри Германии послужила книга писателя Г. Грасса «Траектория краба». Во многом благодаря ей названная тематика стала частью культуры памяти немцев. Актуализация «жертвенного нарратива» в Германии привела к конфликту в исторической памяти с ближайшими восточными соседями, в первую очередь с Польшей и Чехией, так что Г. Шрёдеру пришлось лавировать в пространстве памяти для достижения результатов «восточной политики», расширения ЕС, включения в него стран, где проблема изгнанных стояла наиболее остро. При этом с Россией, несмотря на актуализацию «жертвенного нарратива» в пространстве исторической памяти происходит максимальное сближение и примирение.

Ключевые слова: историческая политика, Герхард Шрёдер, изгнание немцев, жертвенный нарратив, коллективная память, историческое сознание.

M. V. Novikova

The Problem of Historical Memory in Germany During the Chancellorship of Gerhard Schröder

Marina Novikova, Head of sector of the Department of social projects and communications administration of the city of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).
E-mail: marina.novikova@mail.ru

Abstract. This article is an attempt to characterize the state of historical consciousness of the Germans at the turn of the century, during the “red-green” coalition of Chancellor Gerhard Schröder (1998–2005). It analyzes how the memory policy was built in the studied period; what factors influenced the formation of the sacrificial narrative of the Germans. The main sources of the article are interviews, memoirs, speeches and addresses by Gerhard Schroeder, Willy Brandt, Gunter Grass, officials of European countries and Russia on the issue of the traumatic past, and media publications. It is concluded that the main component of the historical memory of the German society at the moment is the memory of the defeated side's suffering in the last stage of the war. The appeal to the sacrificial aspect of historical memory was actively used by opposition circles to achieve political goals; their harsh rhetoric often created problems for the current chancellor in solving foreign policy problems. The book "The Trajectory of the Crab" by G. Grass was largely responsible for public discussions of the "sacrificial narrative" in Germany. It is largely due to this book that the narrative has become part of the German memory culture.

The actualization of the sacrificial narrative in Germany led to a historical conflict with the closest eastern neighbours, primarily Poland and the Czech Republic, so Gerhard Schröder had to subtly maneuver in the memory space in order to achieve the results of the “eastern policy”, expand the EU, include countries, where the problem of the expelled was felt most acutely. At the same time, with Russia, despite the actualization of the sacrificial narrative in the space of historical memory, there is a maximum rapprochement and reconciliation.

Keywords: historical politics, Gerhard Schröder, exile of the Germans, sacrificial narrative, collective memory, historical consciousness.

История «красно-зеленой» коалиции в ФРГ во главе с канцлером социал-демократом Г. Шрёдером и вице-канцлером, министром иностранных дел представителя «зеленых» Й. Фишером, приход к власти которой предопределила победа в парламентских выборах осенью 1998 года СДПГ и партии Союз-90/«Зеленые», не обойдена вниманием специалистов. В монографии Н. В. Павлова и А. А. Новикова¹ исследуется внешнеполитический курс коалиционного правительства. В. И. Васильев предпринял попытку изучить человеческие качества и деловые характеристики Шрёдера². Исторически сложилось так, что каждый Федеральный канцлер должен выстраивать свою политику, учитывая тяжелое наследие недавнего прошлого своей страны: нацизма и развязанной им Второй мировой войны. Эта статья – попытка изучить этот аспект, дать характеристику историческому сознанию немецкого общества на рубеже XX–XXI вв. Актуальность исследования объясняется как недостаточной изученностью проблематики, так и современным контекстом, когда проблема роли исторической памяти в проведении внешнеполитического курса оказалась на авансцене международных политических дискуссий. Шрёдер продемонстрировал позитивный пример решения политических задач в пространстве исторической памяти.

Источниковую базу работы составляют материалы немецкой и российской печати, воспоминания политиков Г. Шрёдера и В. Брандта, писателей Г. Грасса и Е. А. Кацевой.

СОВЕТНИК ВИЛЛИ БРАНДТА И ГЕРХАРДА ШРЁДЕРА

В годы канцлерства Шрёдера в ведомстве канцлера на постаменте стоял небольшой памятник Вилли Брандту, копия работы Райнера Феттинга, которая

¹ Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005.

² Васильев В. И. Германский политик Герхард Шрёдер // Новая и новейшая история, 2014, № 6, с. 145–157.

установлена во внутреннем дворе «Дома Вилли Брандта» в Любеке. Временами Шрёдер, который входил в обойму политиков, называемых «внуками Брандта», мысленно беседовал со своим учителем. Но по многим важным вопросам он мог консультироваться и вживую с советниками Брандта. В частности, с лидером общественного мнения в Германии, нобелевским лауреатом, писателем Гюнтером Грассом.

В начале 1960-х годов, когда Брандт начал диалог с интеллектуалами, он пригласил в Бонн около 30 авторов, чтобы привлечь их к избирательной кампании СДПГ в бундестаг. Грасса среди них не было. Он имел репутацию анархиста и в то время находился в центре скандала, случившегося после выхода в свет в 1959 г. романа «Жестяной барабан». Эта книга о виновности всей немецкой нации в преступлениях национал-социализма, принесла Грассу мировую славу, но вызвала жесточайшую критику на родине писателя. В 1965 г. в Дюссельдорфе группа фашиствующей молодежи подвергла книгу Грасса публичному сожжению. Грасс выступал против популярных тогда заверений политиков, что национал-социализм — явление, навязанное немецкому народу: «Все делали вид, что пришли какие-то духи и заморочили голову бедному немецкому народу. Но я-то знал из своего юношеского опыта, что это — неправда. Всё произошло среди белого дня»³.

Брандт тоже находился под огнем критики: за то, что в годы национал-социализма покинул Германию и «отсиживался» в Норвегии. Но именно тем, что он не поддерживал нацистов, Брандт вызвал симпатии Грасса. Когда началась избирательная кампания в парламент, и везде висели плакаты Аденауэра и Брандта, Грасс во время семейных прогулок показывал детям на портрет Брандта и просил, чтобы они запомнили его имя: их отец его полностью поддерживает⁴. Грасс пришел к Брандту по собственной инициативе, стал ездить в ратушу, писать речи для избирательной кампании Брандта, стал лидером группы «Социал-демократическая инициатива избирателей», к которой присоединились писатели, публицисты, историки и политологи.

Активная политическая деятельность, многочисленные предвыборные турне писателя в поддержку социал-демократов, привлекли внимание западногерманской публики. Для политики реформ, проводимой Брандтом, Грасс придумал образ улитки как символ прогресса. Первоначально улитка была воспринята как удачное определение для политики малых шагов, медленной, но зато не радикально-революционной формы перестройки общества. Но со временем Брандт уже не знал, что с ней делать: «Исторический процесс сопровождается как спады, так и скачки, а скакать улитка все же не умеет»⁵.

Знаменитое коленопреклонение Брандта в Варшавском гетто, вероятно, также было результатом обсуждений и консультаций со своим советником. В. Брандт говорил, что все произошло спонтанно, «перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов»⁶. Грасс отмечал в интервью, что форма покаяния была конечно спонтанной, сознательно было выбрано место (что у многих поляков не нашло понимания) не перед польским национальным памятником, а там, где было гетто, и откуда евреев увозили на смерть в Трешлинку и Освенцим⁷.

³ Скончался нобелевский лауреат, писатель Гюнтер Грасс // Дойче велле, 13.IV.2015. — <https://www.youtube.com/watch?v=MeXcNmaM98U> (дата обращения 17.01.2020).

⁴ Грасс Г. Фотокамера. М., 2009, с. 60.

⁵ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. — <https://www.litmir.me/bd/?b=545831> (дата обращения 17.12.2019).

⁶ Там же.

⁷ Борухсон Ю. Вилли Брандт — великий канцлер // Партнер, 2004, № 79. — <https://www.partnerinform.de/partner/detail/2004/4/208/1383/villi-brandt-velikij-kancler?lang-ru> (дата обращения 20.12.2019).

Правда, в работе «Мой 20 век» Грасс как бы «проговаривается», что это был его совет: «все было продумано до мельчайшей детали. Без сомнения, этот пройдоха, ну, этот его посредник и доверенное лицо, который исхитряется здесь, дома, представить позорный отказ от исконных немецких земель как великое достижение, нашептал ему эту эксклюзивную идею. И тут его шеф, этот пьяница, повел себя как правоверный католик: он упал на колени»⁸.

Почти за три десятилетия – с начала 1960-х до 1990-х гг. – между Грассом и Брандтом велась обширная переписка, публикация которой в 2013 г. вышла отдельным изданием, насчитывающим более 1000 страниц. Большая часть писем была написана Грассом, в них речь шла о формулировках речей Брандта, о правительственной декларации 1969 г. («Мы хотим больше демократии»), а также повседневные политические советы⁹. Начиная с 1986 г. Грасс начинает поддерживать Шрёдера, становится его советником и автором наиболее важных речей в годы его канцлерства.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НЕМЦЕВ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Избирательная кампания в бундестаг в 1998 г. проводилась на фоне жарких споров о мемориале жертвам Холокоста. В полемике вокруг этого мемориала и выбора места для него столкнулись несколько стратегий политики памяти. Еще в 1988 г. журналистка Леа Рош и историк Эберхард Екель выступили с частной инициативой возведения памятника 6 млн евреев Европы, уничтоженных нацистским режимом. По замыслу инициаторов, монумент должен стоять в самом сердце бывшего Третьего рейха и чтить память еврейских жертв нацизма – и только их, так как «истребление евреев нацистами беспрецедентно»¹⁰. Почин поддержали Вилли Брандт, Гюнтер Грасс, Вальтер Йенс, многие представители леволиберальной интеллигенции. Власти ФРГ отнеслись к этой инициативе прохладно. Один из высокопоставленных деятелей ХДС предостерегал от превращения Берлина в «город бесчестья»¹¹.

В ходе жарких дискуссий был принят проект американского архитектора Питера Айземана, который в 1999 г. поддержали 312 из 534 депутатов уже нового бундестага. Это были голоса социал-демократов, «зеленых», партии демократического социализма и нескольких депутатов от ХДС/ХСС. В целом эта фракция (находившаяся тогда в оппозиции), в том числе Гельмут Коль и Ангела Меркель, высказалась против. Экс-канцлер Коль проигнорировал и церемонию закладки мемориала, происходившую при участии президента ФРГ Иоганнеса Рау и канцлера Герхарда Шрёдера 27 января 2000 г., в годовщину освобождения Красной Армией концлагеря Освенцим.

Шрёдера не возмущало, что памятник в центре Берлина будет постоянно напоминать о мрачных страницах немецкой истории: «Когда в центре Берлина, на фасадах роскошных домов я вижу следы от пуль – напоминание о последних боях при штурме города Красной Армией в апреле и мае 1945 г., когда смотрю на здание рейхстага, пылающим факелом осветившее нацистам путь к захвату власти, когда прохожу по целому полю стел – в память об убитых евреях со всей Европы, я не могу не думать о том, что мы должны, не жалея сил, сохранять

⁸ Grass G. Mein Jahrhundert. Göttingen, 1999, S. 257.

⁹ Willy Brandt und G nter Grass. Der Briefwechsel. Steidl, 2013.

¹⁰ Володина Э. В Берлине открыли уникальный памятник // Дойче велле, 10.V.2005. – <https://p.dw.com/p/6se8> (дата обращения 17.12.2019).

¹¹ Борозняк А. И. Жесткая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014, с. 294.

в памяти все вехи нашего общего исторического пути. И все эти вехи должны быть видны в городских постройках»¹².

Параллельно развитию немецкой культуры памяти о жертвах нацистской диктатуры, иногда в противостоянии с ней, в общественных дискуссиях присутствовала тема страданий немецкого гражданского населения в годы Второй мировой войны. Настоящий бум «жертвенных воспоминаний» был в 2002 г. после выхода в свет книги Грасса «Траектория краба». Грасс стал одним из властителей умов Германии.

Первая десятка рейтинга современных немецких интеллектуалов выглядела так: 1) Гюнтер Грасс, писатель; 2) Юрген Хабермас, философ; 3) Рудольф Аушгайн, публицист, издатель журнала «Шпигель»; 4) Йозеф Рацингер (папа Бенедикт XVI); 5) Петер Хандке, писатель; 6) Ханс-Магнус Энциенсбергер, писатель; 7) Ульрих Бек, социолог; 8) Криста Вольф, писатель; 9) Мартин Вальзер, писатель; 10) Марсель Райх-Райницкий, литературный критик¹³.

Немецкий историк и культуролог Алейда Ассман, описывая состояние общественного сознания ФРГ в момент выхода книги Грасса, отмечала: «“Траектория краба” ознаменовала собой поворот в эмоциональной и мемориальной культуре. Память о трагедиях, пережитых немцами пятьдесят восемь лет назад, вновь заявила о себе с неожиданной и неведомой ранее силой»¹⁴. Немцы как будто ждали такой книги, они прекрасно ее приняли, и только в Германии было продано не менее полумиллиона экземпляров.

В немецком «жертвенном дискурсе» присутствуют три темы: страдания гражданского населения от бомбовой войны союзников; изгнание немцев с бывших территорий Третьего рейха, отошедших к СССР, Польше, Чехии; тема насилия над мирным населением Германии со стороны армий-победителей.

Тему бомбовой войны актуализировала книга Йорга Фридриха «Пожар», было снято табу и с самой закрытой темы коллективной памяти — массовых изнасилований немок. Одним из популярных источников по этой теме был дневник «Безымянной», опубликованный под названием «Безымянная. Одна женщина в Берлине». Эти мемуары были популярны в 1950-е годы во многих странах, но их публикация в 1959 г. в Германии большого интереса не вызвала. Затем издание почти на полвека исчезло с книжных полок и было повторно опубликовано в 2003 г. На этот раз книга более 8 недель возглавляла список бестселлеров новостного издания «Шпигель»¹⁵.

К 2005 г. тема страданий стала не просто частью культуры памяти немцев, она заняла в ней доминирующее место, как в публичном и медийном пространстве, так и в научном историческом дискурсе. Российский германист и переводчик, бывший «культур-офицер» Советской военной администрации в Германии Е. А. Кацева вспоминала, как она была приглашена в Берлин выступить на конференции, приуроченной к 60-летию окончания войны. Е. А. Кацева была удручена состоянием немецкой памяти о войне. Когда пришла ее очередь выступать, а ее доклад был предпоследним, она честно призналась, что едва сдерживала себя, чтобы не вмешаться в происходящее: «Ни на одной конференции я не была так угнетена, как на этой. Через 60 лет после окончания войны вы все толчетесь на том времени, когда война шла на вашей территории! Это длилось четыре недели. Но четыре года наши

¹² Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике М., 2007, с. 71.

¹³ Хлебников Б. Феномен Грасса // Иностранная литература, 2007, № 1.

¹⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2018, с. 205.

¹⁵ Гебхардт М. Когда пришли солдаты. Изнасилование немецких женщин в конце Второй мировой войны. М., 2018, с. 197.

солдаты шли по собственной разоренной, выжженной земле! В одном из докладов были приведены итоги опроса: какой период жизни вы считаете наиболее благополучным? И большинство опрошенных немцев ответили: во время войны. Я спросила: когда шли посылки из России, когда в Германию приходили продукты, вещи, — это, вы думаете, покупалось там в магазинах?». С большим сожалением Е. А. Кацева констатировала, что «немцы сейчас не думают о том, что они натворили в России! И руины знают — только свои, наших руин они не знают... А при таком подходе очень сложно найти язык понимания»¹⁶.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ШРЁДЕРА

Масштаб и накал «жертвенного дискурса» в Германии был настолько силен, что это отражалось на международных отношениях. Во внешней политике канцлер Шрёдер продолжил линию, направленную на нормализацию отношений с восточноевропейскими соседями. Правительство «красно-зеленой» коалиции последовательно выступало за расширение ЕС, Германией был инициирован документ, предусматривавший прием в Евросоюз до 10 новых членов. В 2001 г. Шрёдер высказывается за скорейшее вхождение в ЕС Словении, называя Люблянскую «образцом в установлении стабильности в Юго-Восточной Европе»¹⁷. В это же время он обещает оказать содействие при вступлении в ЕС и НАТО Румынии. Не гладко складываются отношения с Чехией и особенно Польшей, в которой дискуссии о травме, полученной немцами, расценили как попытку сгладить преступления нацистов и поставить немцев в один ряд с другими жертвами войны. Поляков беспокоило, что дискуссия грозит перерасти в конфликт с оспариванием послевоенного геополитического порядка. Напряжению способствовало то, что оппозиционные круги Германии активно эксплуатировали тему изгнанных немцев в политических целях, используя для этого «Союз изгнанных», который в 1998 г. возглавила Эрика Штайнбах (ХДС). В 1991 г., после объединения Германии, она в качестве депутата бундестага от ХДС проголосовала против признания государственной границы между Германией и Польшей по Одере и Нейсе¹⁸ и не раз выражала свои сомнения по поводу готовности Польши вступить в ЕС.

Созданный в 1957 г. в ФРГ «Союз изгнанных» изначально стоял на реваншистских позициях, требуя возвращения «утраченной Родины»¹⁹. Организация проводила немало мероприятий, направленных на признание интересов немцев, изгнанных из Чехии, Польши, бывшей Восточной Пруссии. «Изгнанные» представляли значительный пласт избирателей, близких к ХДС/ХСС. Г. Коль, выступая в 1980 г. на «Дне Родины» в Брауншвейге, заявил, что немецкий вопрос открыт, чем вызвал бурные аплодисменты²⁰.

У Шрёдера была иная позиция. Выступая на «Дне Родины», канцлер говорил о страданиях, которые пришлось пережить «старикам в зале», что «изгнания не могут быть оправданы», но при этом подчеркивал, что правительство не будет

¹⁶ *Рапорт А. Евгения Кацева: о войне, о Германии, о немецкой литературе и тающих надеждах.* — <https://lechain.ru/ARHIV/159/kaceva.htm> (дата обращения: 03.12.2019). См. также: *Кацева Е. А. Мой личный военный трофей // Знамя, 2002, № 1, с. 145–179.*

¹⁷ *Павлов Н. В., Новиков А. А. Указ. соч., с. 434.*

¹⁸ *Скандал вокруг фонда изгнанных // Радио «Свобода», 17.IX.2010.* — <https://www.svoboda.org/a/2160400.html> (дата обращения 10.12.2019).

¹⁹ *Колесов Д. И., Маслова И. И., Сухова О. А., Шиманская О. К. Историческая память о второй мировой войне // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2018, №1 (45), с. 94.*

²⁰ *Полунин Е. С. Общая характеристика общественных акций союза изгнанных в ФРГ в 1950–1980-е годы // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология, 2012, № 2, с. 149.*

требовать у Польши и Чехии ни отмены конфискационных законодательств, ни компенсаций, так как сегодня «Кенигсберг, Штеттин, Данциг и Бреслау относятся исключительно к культурному наследию Германии, и нужно искать Родину не в прошлом, а настоящем»²¹.

Максимального накала антинемецкие настроения в Польше достигли в 2004 г. Польша пригласила канцлера Германии на памятные торжества по случаю 60-й годовщины Варшавского восстания; за несколько недель до этого «Союзы изгнанных» потребовали от Польши вернуть им утраченную собственность и выплатить компенсацию. Берлинский союз заявил о намерении создать в Берлине «Центр против изгнаний», в задачи которого входило бы историческое изучение всех этнических чисток в Европе вплоть до новейшего времени, в том числе и изгнания немцев. Идею поддержала часть немецкой политической оппозиции²².

Шрёдер нервничал. Свою будущую речь в Варшаве он обсуждал с Грассом и бывшим президентом ФРГ Р. фон Вайцзеккером. Решено было подчеркнуть, что «воспоминания о пережитых страданиях должны объединить нас, а не разделить вновь. Поэтому ныне нет и не должно быть места для реституционных претензий из Германии»²³. Шрёдер высказался за расширения партнерства, чтобы в будущем оно переросло в союз. «Это лучшее, что мы могли бы сделать в память героев и жертв Варшавского восстания»²⁴.

ГЕРМАНИЯ – РОССИЯ: ПРИМИРЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПОБЕЖДЕННЫХ

Определяя суть своей исторической политики, которую Шрёдер обозначил в речи на предвыборном съезде в Лейпциге в апреле 1998 г., он говорил, что Германия должна стать сильной и уверенной в себе, что она не казначей Европы, что европейская валюта не может быть ценой за нашу историю, а евро служить для преодоления прошлого²⁵.

В случае с Россией он дал четко понять, что с дипломатией «чековой книжки» во внешней политике Германии покончено, что «выделения кредитов для России в рамках двусторонних отношений в обозримом будущем больше не будет, а решения о предоставлении финансовой помощи в каждом конкретном случае будут приниматься соответствующими международными финансовыми организациями»²⁶.

Ни в первых выступлениях канцлера Шрёдера, ни в его инаугурационной речи не было сказано о развитии германо-российских отношений. После победы на выборах в сентябре 1998 г. у Шрёдера состоялась встреча с президентом США Биллом Клинтонем, которую они посвятили обсуждению России. Клинтон был убежден, что менталитет российской элиты не позволит принять ей советы американской команды по экономике, и он призывал Шрёдера взять на себя помощь в «экономическом оздоровлении России», что, по словам последнего, полностью соответствовало его убеждениям²⁷.

Ситуация изменилась при президенте России В. В. Путине. Начиная с 2000 г., когда произошла первая встреча Путина и Шрёдера, между ними развивались

²¹ Landsmann Schröder // Die Welt. — <https://www.welt.de/print-welt/article531630/Landsmann-Schroeder.html> (дата обращения 01.12.2019).

²² Шрёдер Г. Указ. соч., с. 339.

²³ Там же, с. 343.

²⁴ Там же.

²⁵ Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012, с. 138.

²⁶ Павлов Н. В., Новиков А. А. Указ. соч., с. 445.

²⁷ Шрёдер Г. Указ. соч., с. 339.

не только партнерские, но и дружеские отношения. За первые полтора года личного знакомства они встречались 11 раз. В апреле 2001 г. в газете «Цайт» вышла статья с изложением концепции «новой восточной политики» Шрёдера, основой которой признавалось развитие германо-российских отношений. Мысли Шрёдера перекликались с тезисами российского президента, с которыми он выступил 25 сентября 2001 г. в Берлине. Когда Путин произнес слова, что Европа сможет надолго укрепить репутацию мощного и самостоятельного центра мировой политики, если объединит свои людские, территориальные и природные ресурсы с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России, раздали аплодисменты.

В исторической политике лидеры двух стран также нашли точки соприкосновения и возможности для компромисса. Оба политика сходились по ключевому вопросу, что необходимо расширять российско-германское сотрудничество. 2003–2004 гг. прошли как российско-германские года культуры.

Оба лидера не являлись живыми свидетелями Второй мировой войны. Родившийся в 1944 г. Герхард Шрёдер не был скован чувством личной вины за нацистское прошлое, правда, его отец служил на Восточном фронте. Отец российского президента был тяжело ранен на фронте, а старший брат умер в Ленинграде во время блокады. Для прояснения позиции в отношении прошлого Шрёдер и Путин дали совместное интервью газете «Бильд», в котором Путин пояснил: «Я лично никогда не рассматривал немцев как враждебную нацию. Вообще я думаю, что у русских людей моего поколения, на себе не переживших трагедию войны, иное восприятие Германии, нежели у поколения наших отцов и дедов. Конечно, наше поколение — тоже часть этого прошлого. Я, например, явственно ощутил это, когда впервые услышал о том, что отец Федерального канцлера погиб на Восточном фронте. Меня это эмоционально глубоко задело»²⁸.

Российский президент сказал свою знаменитую фразу, которая полностью соответствовала сути исторической политики канцлера ФРГ: «В логике проводимой Россией политики считаю, что после того, как Германия сделала правильные выводы из ужасов Второй мировой войны, прошла через покаяние и создала механизмы, препятствующие повторению трагедий прошлого, нельзя заставлять сегодняшнее и последующие поколения немцев вечно посыпать голову пеплом, бить себя веригами, нельзя заставлять немцев вечно каяться за трагедию Второй мировой войны, а роль Германии в ООН должна быть усилена. Сама страна (Германия) не должна ощущать себя на международной арене пораженной в правах. Поэтому Российская Федерация будет выступать за усиление роли ФРГ в ООН, в том числе в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН»²⁹.

Пиком примирения явилось не просто приглашение российского президента немецкому канцлеру присутствовать на торжествах в Москве по случаю 60-летия Победы, но и то, как этот визит был продуман. Канцлер с супругой Дорис возложил венок к мемориалу на немецком солдатском кладбище под Москвой. В ходе визита также была организована встреча-чаепитие российских и немецких участников войны, которая продемонстрировала, что «для ненависти уже нет места»³⁰. В мемуарах Шрёдер отмечал, что духом примирения были проникнуты все совместные мероприятия. На официальном обеде, на встрече с ветеранами, позже во время парада, перед множеством съехавшихся со всего мира гостей

²⁸ Совместное интервью Президента России Владимира Путина и канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера. -<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22950> (дата обращения 3.12.2019).

²⁹ Там же.

³⁰ Шрёдер Г. Указ. соч., с. 469.

российский президент неизменно затрагивал тему примирения с Германией. Это ощущалось даже в том, насколько деликатно было продумано размещение гостей на параде. На Красной площади, на почетной трибуне в первом ряду сидели американский президент Буш и госпожа Буш, рядом Путин и его жена, по правую руку от него Жак Ширак, а рядом с французским президентом — немецкий канцлер с женой. Таким образом, Германии, бывшему военному противнику, было отведено место в первом ряду — среди бывших держав-победительниц.

В свою очередь, канцлер ФРГ опубликовал в «Комсомольской правде» статью, в которой от лица всей Германии попросил у русских и других народов Советского Союза прощения³¹.

Канцлер отметил, что приглашение президента Путина канцлеру Германии принять 9 мая в Москве участие в памятных торжествах, посвященных окончанию Второй мировой войны, является большой честью и проявлением доверия по отношению к немецкому народу. Этот широкий жест показывает, что заклятые враги стали друзьями и партнерами. Поэтому 9 мая — это больше, чем просто день памяти; «мы хотим, чтобы этот день стал символом европейского примирения, и мы хотим, памятуя об ужасах войны, подтвердить волю наших народов к созданию нашего общего будущего»³².

Не обошел вниманием, правда, достаточно сдержанно, канцлер и тему изгнания: «Для Германии 8–9 мая стало в первую очередь днем освобождения от национал-социалистской диктатуры. Одновременно для многих людей эта дата также связана с воспоминаниями об изгнании, о расколе Германии и Европы и о новой неволе». Закончил он свое послание тезисом о необходимости продолжать укрепление партнерства между Европейским Союзом и Россией: «Моя страна — активный сторонник этого партнерства ... 9 мая пройдет в духе памяти жертв войны, 10 мая мы намерены закрепить партнерство между ЕС и Россией, устремленное в будущее, основанное на общих интересах и ценностях»³³.

Таким образом, за время «красно-зеленой» коалиции Германия была уравнена в правах со странами-победительницами, а Россия, в свою очередь, благодаря усилиям Германии, была включена в «Большую семерку», расширив её до «Большой восьмерки». Кроме этого, удалось благополучно разрешить вопрос о «долге ГДР», который внезапно «всплыл» в апреле 2001 г. во время работы германско-российского форума «Петербургский диалог» и составлял 6,35 млрд переводных рублей. В 2002 г. Путин договорился со Шрёдером о списании большей части задолженности. В итоге Москва должна была заплатить всего 500 млн евро в два этапа: 350 млн евро в 2002 г., и по 74 млн евро в 2003 и 2004 гг.³⁴

Что касается проблемы изгнанных, которая имела отношение и к российским территориям, то уже через два месяца на земле бывшей Восточной Пруссии, городе Светлогорск (до 1947 г. Раушен) Калининградской области состоялась встреча Путина, Шрёдера и президента Франции Жака Ширака. После завершения переговоров Путин и Шрёдер посетили Калининградский университет, где приняли участие в церемонии открытия памятной доски по случаю присвоения университету имени Иммануила Канта, встретились с немецкими профессорами, ранее работавшими в университете, возложили цветы к могиле Канта и посетили кафедральный собор.

³¹ Герхард Шрёдер: Мы просим прощения за страдания, причиненные русскому народу и другим народам // Комсомольская правда, 6.V.2005.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Кириллова А. Н. «Новая восточная политика» федерального канцлера Герхарда Шрёдера (1998–2005). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. СПб., 2018, с. 81.

* * *

Завершая краткий обзор политики памяти в период «красно-зеленой» коалиции и состояние исторического сознания немецкого общества, можно констатировать, что это было время значительных изменений в пространстве памяти. Немцы, спустя несколько десятилетий после войны заговорили о своем травматическом прошлом. Жертвенный дискурс был характерен в послевоенное время, когда побежденная нация была сконцентрирована лишь на собственных страданиях. Позднее, благодаря острым публичным дискуссиям, на фоне осознания масштабов содеянных преступлений в годы войны по отношению к другим народам тема страданий собственного гражданского населения попала под негласное табу. В начале третьего тысячелетия жертвенный нарратив стал частью культуры памяти немцев; тема страданий активно используется для достижений политических целей.

Шрёдеру пришлось «продавливать» свои решения на фоне конфликта воспоминаний с восточными соседями, добиваться победы в пространстве исторической памяти. Достичь своей цели в историко-политическом маневрировании Шрёдеру помог особый подход к делу: «С помощью двойной стратегии – покорной уступчивости, когда дело касается деликатной темы нацистского прошлого, и совершенно независимого от нее преследования политических целей и интересов – Шрёдер старается избежать “немецкой дилеммы”. Таков его ответ на то, что прошлое не дает ФРГ незапятнанной выйти на сцену мировой политики, в то время как структурное полновластие вынуждает ее к этому»³⁵.

Социал-демократы и поддерживающий их писатель Грасс на протяжении всего послевоенного периода напоминали немцам о коллективной вине и чувстве ответственности за содеянное. В годы «красно-зеленой» коалиции риторика по отношению к восточным соседям оставалась проникнута духом примирения, однако именно Грасс привел к буму воспоминаний и актуализации жертвенного нарратива в культурном пространстве, а Шрёдер ввёл тему страданий немцев в официальный дискурс. Вспоминая 8 и 9 мая, он обязательно отдает дань Красной Армии, которая вместе с союзниками освободила Германию и Европу от нацизма, но вместе с тем отмечает, что нужно «помнить и о том, что конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода»³⁶. Тем самым, происходит некая переориентация памяти: немцы оказываются не только виновниками, но и жертвами, а это уже выстраивание нового нарратива.

Библиография

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика, 2-е изд. М., 2018.

Борозняк А. И. Жесткая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

Брандт В. Воспоминания. М., 1991.

Геххардт М. Когда пришли солдаты. Изнасилование немецких женщин в конце Второй мировой войны. М., 2018.

Грасс Г. Фотокамера. М., 2009.

Кацева Е. А. Мой личный военный трофей // Знамя, 2002, № 1, с. 145–179.

Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012.

³⁵ Markovits A. S., Reich S. Das Deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht. Berlin, 1998.

³⁶ Совместное интервью Президента России Владимира Путина и канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера. Источник

Кириллова А. Н. «Новая восточная политика» федерального канцлера Герхарда Шрёдера (1998–2005). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. СПб., 2018.

Колесов Д. И., Маслова И. И., Сухова О. А., Шиманская О. К. Историческая память о второй мировой войне // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2018, № 1(45), с. 89–104.

Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005.

Полунин Е. С. Общая характеристика общественных акций союза изгнанных в ФРГ в 1950–1980-е годы // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология, 2012, № 2, с. 149–152.

Рапопорт А. Евгения Катцева: о войне, о Германии, о немецкой литературе и тающих надеждах. – <https://lechaim.ru/ARHIV/159/kaceva.htm> (дата обращения 03.12.2019).

Шрёдер Герхард. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007.

Grass G. Mein Jahrhundert. Steidl, 1999.

Markovits A. S., Reich S. Das Deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht. Berlin, 1998.

Willy Brandt und Günter Grass. Der Briefwechsel. Hrsg. von Martin Kölbl. Steidl, 2013.

References

Assmann A. Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaiia politika, 2-e izd [The Long shadow of the past: Memorial culture and the politics of history. 2nd ed.]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Boroznyak A. I. Zhestkaia Pamiat'. Natsistskii reich v vospriatii nemtsev vtoroi poloviny XX i nachala XXI veka [Is a Difficult memory. The Nazi Empire in the perception of the Germans in the second half of the XX and the beginning of the XXI century]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Brandt W. Vospominaniia [Memories]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Gebhardt M. Kogda prishli soldaty. Iznasilovanie nemetskikh zhenshchin v kontse Vtoroi mirovoi voiny [When the soldiers came. Rape of German women at the end of the Second world war]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Grass G. Fotokamera [Camera]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Katseva E. A. Moi lichnyi voennyi trofei [My personal spoils of war] // Znamia [The Banner], 2002, № 1, p. 145–179. (In Russ.)

Kirilova A. N. «Novaia vostochnaia politika» federal'nogo kantslera Gerkharda Shredera (1998–2005). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata nauk ["New Eastern policy" of Federal Chancellor Gerhard Schröder (1998–2005). Thesis for the degree of candidate of Sciences]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Koenig H. Budushchee proshlogo. Natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG [The Future of the past. National socialism in the political consciousness of Germany]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Kolesov D. I., Maslova I. I., Sukhova O. A., Shimanskaya O. K. Istoricheskaiia pamiat' o vtoroi mirovoi voine [Historical memory of the second world war] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Humanities], 2018, № 1(45), p. 89–104. (In Russ.)

Pavlov N. V., Novikov A. A. Vneshniaia politika FRG ot Adenauera do Shredera [Foreign policy of Germany from Adenauer to Schröder]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Polunin E. S. Obshchaia kharakteristika obshchestvennykh aktsii soiuza izgnannykh v FRG v 1950–1980-e gody [General characteristics of public actions of the Union of exiles in Germany in the 1950s and 1980s] // Vestnik VGU. Serii. Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia [Vestnik VSU. Series. History. Political science. Sociology], 2012, № 2, p. 149–152. (In Russ.)

Rapoport A. Evgeniia Katseva: o voine, o Germanii, o nemetskoii literature i taiushchikh nadezhdakh [Eugene Katsev: about the war, about Germany, about German literature and fading hopes]. – <https://lechaim.ru/ARHIV/159/kaceva.htm> (access date 03.12.2019). (In Russ.)

Schroeder G. Resheniia. Moia zhizn' v politike [Decisions. My life in politics]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Grass G. Mein Jahrhundert. Steidl, 1999.

Markovits A. S., Reich S. Das Deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht. Berlin, 1998.

Willy Brandt und Günter Grass. Der Briefwechsel. Hrsg. von Martin Kölbl. Steidl, 2013.